

Пиковая драма

В какие игры играют люди

Юлия Яковлева |

ДЖОКЕР,
КОНЕЦ XIX ВЕКА

ЛЕЧИМ алкоголизм, наркозависимость и игроманию. Любая наугад раскрытая реклама медицинских услуг резюмирует вопрос с той бескомпромиссной ясностью, к которой культуролог Хейзинга в знаменитом «Человеке играющем» пробрался только через сотни страниц, да и то с оговорками: игра есть популярнейший у населения способ уклонения от действительности.

Недаром все великие русские писатели XIX «века реализма» были заядлыми игроками и «глава «Онегина» вторая съезжала ловко на тузе». Играл Пушкин, играли Толстой и Достоевский, играл Некрасов, играли до черных кругов под глазами. С одной стороны, это логично. Велик соблазн коммерчески применить еще как-нибудь свои блестящие мозги, прекрасную память и умение просчитать и удерживать в голове сложную многоходовку. С другой — играли они отнюдь не в бридж, покер, преферанс или хотя бы в подкидного дурачка. Игра была примитивна: карта налево, карта направо — пока не выпадет загаданная. Справился бы и ребенок, интеллект бы не помог, а расчет был бессмыслен. И от этой простоты все остальное тоже теряло значение: возраст, пол, имя, воля, связи, состояние, талант или его отсутствие. Оставалось только везение. Случай. Фарт. И несколько сладострастных минут игрок висел в блаженном оцепенении, безвольной и бесильной игрушкой фортуны, переживая только, как сквозь тело волнами проходят удача и неудача. «Стал метать. Направо легла дама, налево туз. «Туз выиграл», — сказал Германн и открыл свою карту. «Дама ваша убита», — ласково сказал Чекалинский». Ну а потом разверзалась пропасть многотысячного долга, которого никакой «Евгений Онегин», хит продаж, не мог бы покрыть.

Недаром советское литературоведение тихо спускало эти факты под стол наряду с порядочными и беспорядочными сексуальными связями классиков (от сексуальной зависимости, кстати, сейчас тоже лечат; некоторые даже, говорят, вылечились). Во-первых, со стороны писателей, названных реалистами, это было самое настоящее дезертирство — вместо того чтобы правдиво описывать русскую действительность, критиковать ее или печалиться о судьбах народных, они радостно проваливались в реальность параллельную. А во-вторых, подавали бы нехороший пример советским читателям.

И в результате советские читатели, лишенные освежающих ролевых моделей

ИТАЛЬЯНСКАЯ
ОТКРЫТКА,
1905

ПОТОМ РАЗВЕРЗАЛАСЬ ПРОПАСТЬ

страшного многотысячного долга,
которого никакой «Евгений Онегин»,
хит продаж, не смог бы покрыть

писателей-игроков, дружно делали выбор в сторону алкоголя.

Стех пор бытийно-философский вопрос «пить или играть» в России усложнился в разы.

Одни говорят, что «по чуть-чуть можно все» и стаканчик вина в день полезен нервным клеткам, сложные карточные игры развивают мозг, а компьютерные — могут обладать обучающим эффектом. Другие призывают защитить население от самого себя: запретить продажу алкоголя в обычных магазинах, а казино вынести за 101-й километр, во глубину сибирских руд, к тетке, в глушь, в Саратов.

Есть и те, кто пробует отделить овец от козлиц. Вот, например, ты — костюм Armani, очки Gucci, портмоне Bottega Veneta. Вот она — платье Prada, сумочка Chanel и «счастливые» серьги, с которыми ей, как она считает, всегда везет, серьги Cartier; жужжит рулетка. Это одно. А вот святившиеся в густом сигаретном дыму «однорукие бандиты» под дремлющим оком охранника где-нибудь в московском спальном районе; пахнет давно не стиранными куртками — это совсем другое. Как коньяк, тихо потягиваемый в кожаном кресле через затяжки сигарой, это не тот коньяк, который торопливо распивают на лестнице.

Или как мат: одно дело, когда им ругается пролетарий; приличные интеллигентные люди ругаются совсем другим матом.

А некоторые призывают внести окончательную ясность: мол, игры бывают азартные и неазартные, — и запутываются окончательно. Потому что именно азарт превращает в игру вообще все, что угодно.

Кто из нас, хотя бы в юности, не мчался во весь опор, преследуя отчаливающий автобус, поднажимал, делал рывок, догонял, придерживая сжимающиеся двери ладонями, заскакивал. В крови кипел адреналин, на лбу было написано «я победитель мира», а потом на скромной табличке в салоне автобуса оказывался совсем не тот номер маршрута, который надо. А распродажи? Когда очнувшись от охоты и погоны, обнаруживаешь у себя в руках кожаное розовое платье и пару сапог, где один 37-го размера, а другой — 38,5. Бытовой азарт — страшная сила. Многие, например, так и остаются под впечатлением, что пережили большую и яркую любовную историю, хотя на самом деле это было вышеописанное простенькое «нет, я б... догоню».

О, сколько дурацких любовных приключений можно было бы избежать или облегчить, вовремя прочитав коротенькую и важную работу Льва Выготского

«Игра и ее роль в психическом развитии ребенка», заменив лишь в тексте слово «ребенок» на слово «мужчина» (или «женщина») и понимая слово «соска» в более широком фрейдистском ключе!

Вот только зачем?

В жаргоне московских барышень есть такое выражение: «адское шапито». У него есть еще вариация: «адское шапито с конями». Само существование обоих выражений доказывает, что немало есть желающих пережить и то и другое. Причем независимо от возраста. К одной моей подруге, тренеру по художественной гимнастике, подошли две десятилетки. «Мальчики, — сказала одна с интонациями Сэй Сёнагон, — совершенно бессмысленны. Мы в школе попробовали их посадить в шпагат, у них ничего не получилось». И обе со вздохом закатили глаза; стало ясно, что шпагат был не первым и далеко не последним номером шапито. И что мальчишки просто так не отвяжутся. Адское шапито — это тонкое умение подвесить кавалера между небом и землей, совсем как Пушкин подвешивал сам себя перед колодой карт.

Адское шапито — это не то же самое, что ухаживания. Это серьезный ритуал, требующий от сторон продуманного обмена зашифрованными посланиями и вдумчивой корректной расшифровки. Системы могут быть разными и зависеть от страны, культуры, профессии, возраста, вероисповедания и гражданского статуса, но в них всегда есть логика и последовательность. Как объяснял один американский кавалер, обреченный пробираться по минному полю sexual harassment: вот ты ее впервые приглашаешь пообедать вместе, первый важный вопрос — во сколько? Если, допустим, в восемь, то это ничего не значит — вы пообедаете и разойдетесь. А если в шесть или семь — то есть шанс на вторую ступень: «еще довольно рано», говоришь ты и предлагаешь еще «завернуть куда-нибудь просто выпить». Обрисовывается шанс для перехода на третью ступень. И так далее. В общем, ужасно нудно. А ведь есть еще кодекс телефонных переговоров — кто кому и когда перезвонит, напишет SMS, оставит голосовое сообщение, — в детальной сложности условий не уступающий правилам сложения классицистской драмы. «Хорошо, что Пушкин этого не видит», — говорила экскурсоводша в повести Довлатова. У Пушкина телефона не было, и SMS он посылать не мог, но классицистские обычаи называл «забавами старых обезьян». А на шпагат, наверное, сел бы.